

Над философскими категориями добра и зла размышляли в своём творчестве многие русские писатели и поэты. В поэзии С. Куняева эта тема наиболее ярко представлена двумя стихотворениями.

Первое стихотворение написано автором в 1959 году. Вот оно:

*Добро должно быть с кулаками.
Добро суровым быть должно,
Чтобы летела шерсть клоками
Со всех, кто лезет на добро.
Добро не жалость и не слабость.
Добром дробят замки оков.
Добро не слякоть и не святость,
Не отпущение грехов.
Быть добрым не совсем удобно,
Принять не просто вывод тот,
Что дробно-дробно, добро-добро
Умел работать пулемёт,
Что смысл истории в конечном
В добротном действии одном –
Спокойно вышибать коленом
Добру не сдавшихся добром.*

Стихотворение поэта, скорее всего, отражает настроение эпохи, когда ещё романтизировался революционный экстремизм. Данное стихотворение чем-то созвучно по ощущению бытия, по настроению знаменитым строкам:

*Нас водила молодость
В сабельный поход...*

Какими же средствами автор добивается такой напряжённости поэтических строк?

Это происходит за счёт звуковой выразительности рифмы: живой ритм стихотворения возникает благодаря ямбическому порядку с 9-8-сложной строкой с чередующимися женским и мужским окончаниями. Поэт использует метафорический принцип создания художественного образа. Необычные

метафоры раскрывают образ добра в понимании автора. Трудно представить себе *добро с кулаками, суровое добро*. А метафоры «летела шерсть клоками», «добром дробят замки оков», «дробно-дробно, добро-добро // умел работать пулемёт», «спокойно вышивать коленом» резки и парадоксальны в соотношении со словом *добро*.

Особое настроение возникает и оттого, что слово *добро*, являясь тематически опорным словом в стихотворении, несёт значительную эмоциональную энергию.

Повторяющаяся анафора становится звуковым ключом стихотворения. Гармоническим аккомпанементом этому слову выступает аллитерация взрывных согласных (д, б, р) в начальной и нажимной позициях слов (**дробно-дробно, дробят, удобно, добро-добро, работать, добротном**), которая наблюдается в большинстве строк стихотворения. В нём эти звуки приобретают определённый смысл, заключающийся в значимых для автора словах, составляющих ядро поэтического образа. Слова с твёрдыми взрывными согласными, стоящими, в основном, в нажимной позиции (входящими в состав ударного слога), становятся носителями смысловой оппозиции словам *жалость, слабость, слякоть, святость*. Здесь звукоповтор **свистящих** и **т** наблюдается в ослабленной, заударной позиции и осмысливается как отсутствие силы. Так, инструментовка стихотворения (скорее всего, не случайная) помогает постичь его художественный смысл.

По содержанию стихотворение отражает настроение молодого максималиста, ещё далёкого от христианского осмысления критериев добра и зла, отсюда строчка стихотворения:

*Добро... не святость,
Не отпущение грехов...*

Попробуем осмыслить стихотворение с философской и христианской точек зрения. «Проблему сопротивления злу невозможно поставить правильно, не определив сначала «местонахождение» и сущность зла», — писал И. А. Ильин в своём сочинении «О сопротивлении злу силою» [1]. Имея в виду зло не внешнее, а внутреннее, он говорил, что зло начинается там, где начинается человек. Точнее, душевно-духовный мир человека. По словам Ильина, этот мир и есть истинное местонахождение добра и зла. И это означает, что борьба со злом достигается во внутренних усилиях и преображении будет именно внутренним. Определяя сущность добра и зла, Ильин говорит о том, что добро есть любящая сила духа, а зло — слепая сила ненависти. В главе «О самопредании злу» Ильин пишет: «В самом деле, что означало бы «непротивление» в смысле отсутствия всякого сопротивления? Это означало бы принятие зла: допущение его в себя и предоставление ему свободы, объёма и власти. Если бы, при таких условиях, восстание зла произошло, а несопротивление продолжалось, то это означало бы подчинение ему, самопредание ему, участие в нём и, наконец, превращение себя в его орудие...» [1, с. 9]. В главе «О связанности людей в добре и зле» автор вышеупомянутого философского трактата даёт однозначный ответ: «Сопротивляться злу следует, во-первых, внутренним растворением, претворением и преобразованием злого чувства; во-вторых, — внутренне-внешним понуждением и дисциплинированием злой воли; в-третьих, — внешним понуждением и пресечением злого дела» [1, с. 9].

Но совершенно очевидно, что автор стихотворения «Добро должно быть с кулаками...» говорит о борьбе со злом внешним.

Выдающийся русский мыслитель Н. Лосский писал, что вопрос о применении силы в борьбе со злом принадлежит к числу трудных проблем этики. «Бог и члены царства Божия не подавляют зло силою. Но у них есть более высокие средства для борьбы со злом. Мы, грешные существа, по своей собственной вине не имеем в своём распоряжении этих более высоких средств и потому часто бываем обязаны прибегнуть к дурному средству для пресечения зла, именно к подавлению его силою: в таких случаях мы выбираем из двух зол меньшее. Эта печальная необходимость принадлежит к числу драм нашей нравственной жизни...» [2].

В Евангелии сказано: «Нет выше подвига, чем положить живот свой за други своя» (Иоан. 15:13). Именно на войне со страшной очевидностью становятся понятны эти слова Христа. Это не только констатация факта, но и призыв, который всегда обращён к каждому христианину.

Об интересном эпизоде нашей давней русской истории рассказал однажды В. Солоухин:

“Произошло это в период крещения Руси. ...Христианские проповедники пошли в разные города и веси, в разные племена, жившие тогда на территории Руси, крестя язычников и превращая их в христиан. И вот, когда один из монахов-подвижников пришёл к языческому племени, обитавшему где-то на Севере, и убедил это племя принять христианство, произошло следующее. Вождь племени, который должен был первым пройти обряд крещения и показать, таким образом, пример своему племени, вошёл в реку, выхватил из ножен меч и, высоко подняв его над головой, трижды окунулся в воду. И когда он вышел на берег, монах-миссионер упрекнул его: что же ты, мол, сам окунулся, а меч свой не окунул? И вождь ему ответил...

– Я, говорит, прошёл обряд крещения. Я теперь христианин. Я буду соблюдать Христовы заповеди, буду жить так, как велит мне Христова вера. Я даже буду прощать врагов своих... Но меч мой... никогда не должен быть добрым...к врагам моего племени – он не для этого предназначен” [3].

Священное Писание учит смирению, покорности и кротости, и в житейских ситуациях добро – это и “жалость”, и порою “слабость”, и “святость”, и, конечно же, “отпущение грехов”.

Но “добро должно быть с кулаками”, когда речь идёт о защите отчего дома, семьи, близких, веры, Отечества. В этом случае добро должно быть защищено от сил зла.

По словам протоиерея В. Чаплина, “красных террористов” в годы революции и гражданской войны было не так уж и много. И им отчаянно сопротивлялись не только белое движение, но также участники крестьянских и казачьих восстаний, многие политики, лучшая часть интеллигенции... Почему же они потерпели поражение? Он высказал парадоксальную мысль: “Так произошло из-за православного воспитания большинства народа. Люди, приученные любить, уступать и прощать, были попросту неспособны стрелять сразу, без разбора и по всякому поводу, как это делали красные.

В годы революции и гражданской войны победили не народная воля, а наглость и дикая жестокость.... Хорошо это или плохо? Пусть Господь судит. Важная, а в конце концов, и историческая победа оказалась на нашей стороне. Но нам дан урок на будущее: защищать веру, защищать близких нужно бесстрашно и безжалостно к врагам. Так же решительно, как нужно подставлять вторую щеку личному недругу” [4].

Не случайно одна из самых почитаемых икон в Православии – икона с изображением святого великомученика Георгия Победоносца, воина, копьем уничтожающего змия-дьявола.

Великое воинство небесное включает и множество святых, которые при жизни были воинами. Вспомним, как преподобный Сергей Радонежский благословил благоверного князя Дмитрия Донского на ратный подвиг на поле Куликовом, и этот подвиг русского воинства был защитой чести, веры, добра и справедливости.

На Святой Руси добро всегда было синонимом правды, и правда понималась как истина. Однокоренное слово “истовый” звучит как “воинствующий”, но не разрушающий, а созидающий дух правоты. “Христианство..., считая войну злом, признаёт, однако, что есть другие виды зла, ещё худшие, и потому допускает в борьбе с ними войну, например, для спасения народа, погибающего от насилий хищника-завоевателя” [2, с. 238].

Василий Ирзабеков писал, что ему как-то довелось услышать от доктора филологических наук профессора Т. Л. Мироновой, “что слово Русь значит бей, светлый. Отсюда, по её мнению, и слово *русый*. Иное мнение высказывает её коллега Салтыков из Свято-Тихоновского богословского университета. И заключается оно в том, что тысячелетие назад слово Русь значило *вооружённый человек*. И в том, и в другом случае наличествуют великие, сокрытые от иноземного уха, потаённые смыслы. Русь – во все времена – есть светлый, лучезарный воин Христов, сражающийся против миродержца, князя тьмы” [5].

Преподобный Сергей Радонежский говорил о том, что защита Отечества и родного очага – священная война. История ранней Церкви знает многих христиан, остававшихся воинами даже после принятия крещения. Многие из них были военачальниками и считали войну нравственно оправданной. В одном из своих посланий святой Афанасий Великий (IV век) писал о том, что

убивать не позволено, но истреблять неприятеля на войне и законно, и достойно похвалы; поэтому отличившиеся в бранях удостоиваются великих почестей, и им воздвигаются памятники, возвещающие об их заслугах. Интересно отметить, что каноничность (то есть нормативность) данного послания была подтверждена 5 и 6 Вселенскими Соборами, обладающими в Православии высшим догматическим и каноническим авторитетом. Отношение Церкви к этому вопросу было сформулировано уже в 314 году на соборе в Арле: “Отлучаются от Причастия те христиане, которые бросают оружие...” [6].

Читая стихотворение молодого поэта Ст. Куняева, задаёшься вопросом: “А что есть добро в понимании автора?” Ведь и те, кто вершили революцию, тоже действовали во имя добра. Во имя своего понимания добра действуют у Достоевского и Великий Инквизитор, и Родион Раскольников! В поэтических строках молодого автора ещё нет границы Божеского и дьявольского. Нет меры “хорошего или дурного, данной Христом”. И оттого не ясно, от имени какого добра “...дробно-дробно, добро-добро // Умел работать пулемёт...”. В книге “Условия абсолютного добра” Н. Лосского говорится о том, что и сатана задаётся целью благодетельствовать мир, соблазнив его следовать добру, измышлённому им самим. Такое поддельное добро вместо созидания ведёт к разрушению. И только Божественное добро есть добро подлинное.

Итак, мы видим, что идея стихотворения с христианской точки зрения может быть оправдана только в тех случаях, если “все, кто лезет на добро” и “добру не сдавшиеся добром” являются врагами Божьими, врагами Отечества или подавление их силой нужно для пресечения ещё большего зла. Тогда борьба со злом может быть прямою религиозною и патриотическою обязанностью человека, и он не вправе уклониться от неё.

А вот второе стихотворение автора, посвящённое памяти Юрия Селезнёва:

*Вызываю огонь на себя,
Потому что уверен: друзья
Через час подойдут на подмогу,
Потому что, собираясь в дорогу,
Я об этом друзей попросил —
С адским пламенем трудно сражаться...
Вызываю огонь... Продержаться
До подмоги хватило бы сил!
Где друзья?
Почему не спешат?
Неужели с похмелья лежат?
Сроки вышли. Должны подойти.
Неужель заблудились в пути?
Плюнул.
Выстоял.
Дух закалил.
Затоптал адский пламень ногами.
Ну, маленько лицо опалил.
Словом, вышло добро с кулаками.
Я иду — победитель огня,
Предвкушаю — дружина моя
От восторга и радости ахнет!
Но шархнулись вдруг от меня:
— Адским пламенем, — шепчутся, —
нахнут!..*

Стихотворение “Вызываю огонь на себя...” написано в 1986 году, когда поэт отошёл от максимализма юных лет, оно отражает своеобразную эволюцию автора. Это путь от молодости к зрелости, от экстрима к мудрости, к пониманию того, что не всё в жизни так просто, что “махание шашкой” — не всегда утверждение истины. Здесь даётся уже попытка духовного осознания границ, самой проблемы добра и зла. Это стихотворение отражает мышление художника, знакомого со святоотеческим наследием, осознающего, что безоглядная удаля, молодечество, выгодно отличающие героя стихотворения от (трусливой ли?) дружины, — возможно, следствие его гордыни, самоутверждения победителя, предвкушающего:

*...дружина моя
От восторга и радости ахнет!*

Мы видим, что происходит смещение акцентов: я сражаюсь не столько во имя утверждения добра, сколько во имя самоутверждения: я сражаюсь!

Общеизвестно, что именно от такого самоутверждения до бездны с адским пламенем – один шаг!

В стихотворении “Вызываю огонь на себя...” присутствует глубокая и тонкая попытка автора разобраться уже не только в том, что есть добро и зло (понимание Божьего и дьявольского здесь присутствует: “С адским пламенем трудно сражаться...”). Здесь уже наблюдается попытка поэта понять с духовной точки зрения, что является движущим мотивом того или иного поступка человека. Если я совершаю доброе дело, но при этом думаю, что я с этого буду иметь, или думаю при этом, что я чем-то лучше других, – доброе дело обесценивается. Очевидно, что поступок лирического героя стихотворения совершается и во имя самоутверждения тоже. Слова его самооценки говорят сами за себя:

*Я иду — победитель огня,
Предвкушаю...*

Победа породила гордыню, и дьявольский её огонь опалил лицо героя:

*Но шарахнулись вдруг от меня:
— Адским пламенем, — шепчутся, —
пахнет!..*

Согласно христианскому миропониманию, верховное зло есть гордость. При внимательном прочтении строчки: “Я иду – победитель огня...” возникает и ещё одна мысль: герой стихотворения, как считает он сам, – победитель адского пламени. Вдумайтесь в это утверждение. Обратите внимание на то, что лирический герой стихотворения вызвал сам огонь на себя, и при этом он был уверен, что друзья подойдут на подмогу. Почему же всё-таки они не только не пришли, но и “шарахнулись” от “победителя” после его победы?

У А. С. Пушкина есть удивительное стихотворение, которое помогает нам в какой-то мере попытаться ответить на эти вопросы. В нём говорится о том, что победить зло, оказывается, можно отнюдь не добром, а только злом ещё более мощным – высшим злом. Об этом пишет В. Кожин. Вот это стихотворение:

*Как с древа сорвался предатель ученик,
Диявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань геены гладной...
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И сатана, привстав, с веселием на лике
Лобзанием своим насквозь прожёт уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.*

В. Кожин подчёркивает, что Пушкин даже любит сатаной, потому что Иуда омерзителен. “Абсолютное зло “с веселием на лике” карает другое зло, воплощение предательства” [3, с. 208-209]. В этом стихотворении великий поэт демонстрирует своё убеждение в том, “что добро не может победить зло, ибо цель добра – оборона, противостояние злу, борьба с ним, но не уничтожение” [3, с. 208-209]. Нападать, убивать, уничтожать – прерогатива зла. Добро может только защищаться, и только в этом случае оно имеет право на “кулаки”.

Но удивительная и почти непостижимая человеческим умом мысль есть у философа И. А. Ильина, который говорит, что возможность победить у добра всё-таки есть. Вот она: “Победим тогда, когда наш меч станет как любовь

и молитва, а молитва и любовь наша станет мечом!” [3, с.4]. Но до этой духовной вершины (или тайны?) нам ещё предстоит дорасти, чтобы она открылась всем в полной мере. И тогда, может быть, услышим призыв Слова Божьего, отеческий зов Самого Христа: “Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел с Отцом Моим на престоле Его. Имеющий ухо, да слышит...”. (Апок. 3: 21).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ильин И. Путь к очевидности. М., Издательство “Республика”, 1993. С. 12.
2. Лосский Н. Бог и мировое зло. М., Издательство “Республика”, 1994. С. 376.
3. Морозов В. Россия: век уходящий. М., Фонд содействия развитию социальных и политических наук.1999. С.77-78.
4. “Православная беседа”, журнал для семейного чтения, № 4, 2006. С. 5. Статья протоиерея В. Чаплина “Лоскутки. Записки священника”.
5. Ирзабеков В. Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. Данилов мужской монастырь. Даниловский вестник. М., 2007. С. 114.
6. Веденский Г. Небесные покровители русского воинства. Издательство “Аврора”, СПб, 2005. С.6.